И. А. Головнев

ВИЗУАЛЬНАЯ ЭТНОГРАФИЯ ИВАНА ЛОПАТИНА (НА МАТЕРИАЛАХ ПРИАМУРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1913 ГОДА)¹

Статья посвящена актуальной, но слабо разработанной в отечественной гуманитарной науке теме, – визуальной антропологии как форме научного познания, средству фиксации и репрезентации материалов. Как известно, определяющую роль в освоении фронтирных регионов страны в имперский период играли профессиональные исследователи и путешественники, активно использовавшие в своей деятельности фотографическую технику. Многочисленные фотодокументы, собранные ими в научных экспедициях рассредоточены по фондам центральных и региональных музейных и архивных институций. Данное исследование фокусируется на визуальном-антропологическом материале из экспедиции известного этнографа Ивана Алексеевича Лопатина 1913 года, хранящихся в архиве Общества изучения Амурского края, и изученных автором статьи в ходе исследовательских работ лета 2020 года. Многие из рассматриваемых фотодокументов, являясь уникальными свидетельствами культурной эволюции народностей Приамурья на рубеже XIX–XX вв., вводятся в научный оборот впервые. Путем сопоставления текстовых и визуальных архивов исследователя выделяются и анализируются ключевые этнографические образы, зафиксированные им среди орочей и гольдов (нанайцев): явления материальной и духовной культуры, промысловые процессы и физические типы. Особо рассматриваются и опережающие свое время методологические открытия И. А. Лопатина в области полевой работы этнографа: проведение параллельной письменной и фотографической фиксации материалов в процессе экспедиционного исследования для последующего использования фотодокументов в качестве иллюстраций к основным положениям научных публикаций. Фотографическое творчество И. А. Лопатина анализируется в историко-антропологическом ключе, в сопоставлении с тематически смежными исследованиями других авторов и академическими парадигмами соответствующего периода. Делается вывод об архивном фотонаследии ученого как информативном историко-этнографическом источнике, визуально отображающем не только культуру снимаемого, но и снимающего; передающем не только этнографическую информацию, но и ее образно-эмоциональный контекст. Исторический опыт И. А. Лопатина показывается в качестве вполне актуального методического примера для сегодняшних визуальном-антропологических практик.

Ключевые слова: *этнографическая фотография, визуальная антропология, Иван Лопатин, гольды, орочи.*

Введение

В современных визуальном-антропологических исследованиях все большее внимание обращается на фотографические архивы. При этом, особый интерес правомерно вызывает фотонаследие профессиональных исследователей (Станулевич, 2020; Shagarov, 2020). Но если фотособрания центральных институций относительно добротны изучены, то фонды многих региональных архивов до сих пор остаются «белым пятном» в этом научно-исследовательском поле. В полной мере проблема фрагментарной изученности распространяется, в частности, на дальневосточные хранилища визуальных материалов по истории освоения края. При этом известно, что на рубеже XIX–XX вв. на Дальнем Востоке было достаточно широко распространено применение фотографии в целях фиксации и презентации этнографических материалов (Головнева, Головнев, 2020), что актуализирует их поиск, систематизацию и введение в научный оборот. Другой проблемой оказывается недостаточная раз-

¹ Статья подготовлена за счет гранта РНФ № 19-18-00116 «Визуализация этничности: российские проекции науки, музея, кино» (рук. А.В. Головнёв).

работанность подходов к изучению этнографической фотографии в современной антропологии, и в частности, методов исследовательского анализа архивной фотографии как источника информации. Предлагаемая статья, отвечая на обозначенные вопросы, представляет опыт такого исследования с применением следующих эффективных методов: антропологического «крупного плана» (творчество И. А. Лопатина), тематической систематизации (сопоставление с смежными архивными документами) и историко-антропологического анализа в контексте развития этнографии/антропологии соответствующего периода (Головнев, 2010).

Лопатин Иван Алексеевич (1888–1970) родился в Забайкалье, в семье яицких казаков. После окончания Хабаровского реального училища (1908), поступил на физико-математический факультет естественно-географического отделения Казанского университета, по окончании которого (1912), по совету одного из своих наставников, Б. Ф. Адлера, избрал местом своей научно-исследовательской деятельности Дальний Восток. Первое время работал преподавателем — сначала в Хабаровском реальном училище, затем — во Владивостокской Алексеевской женской гимназии. Когда же в Хабаровске по инициативе В. К. Арсеньева был организован кружок любителей этнографии (1913), в него немедля вошел и И. А. Лопатин, имевший основным своим стремлением именно научные изыскания (Тарасова, 1985: 274). Вскоре его планы встретили поддержку: в июне-августе 1913 г. по поручению Общества изучения Амурского края (ОИАК) И. А. Лопатин организовал свою первую самостоятельную экспедицию — по рекам Амуру и Уссури — с задачами «провести этнографические наблюдения, а также собрать коллекции образчиков быта и шаманских атрибутов» (Лопатин, 1913: 1) среди гольдов (нанайцев) и орочей. Разработанная И. А. Лопатиным программа исследований, утвержденная Распорядительным комитетом ОИАК, включала следующие обязательные пункты: наблюдения в области быта и верований, изучение языка и составление словаря, собирание статистических сведений о распространении поселений и численности населения, антропологические измерения и фотографирование, рисование, а также сбор характерных предметов быта и культа для пополнения коллекций музея ОИАК (Отчет Общества изучения Амурского края за 1913 год, 1915: 43). Примечательно, что фотографирование входило в разряд прямых исследовательских задач группы И. А. Лопатина — не случайно и фотоальбом экспедиции оказался впоследствии в научном архиве ОИАК.

И. А. Лопатина справедливо относят к пионерам этнографического изучения народностей Приамурья, а его работы о нанайцах и орочах являются признанными вехами научного освоения Дальнего Востока, на которые опирались представители последующих поколений исследователей (Сем, 1973; Смоляк, 1984). В то же время, из-за вынужденной эмиграции самого И. А. Лопатина из России после событий революции и гражданской войны, его изданные труды были обделены должным вниманием, а архивное наследие — остается сравнительно слабоизученным по сей день. В частности, сведения, непосредственно посвященные визуально-антропологическому творчеству И. А. Лопатина, которому исследователь уделял значительное внимание в своей работе, в научной литературе отсутствуют совсем, а в изданных произведениях самого исследователя и в немногочисленных статьях о нем, — встречаются лишь эпизодически (Лопатин, 1916; Шульгина, 1989). Поэтому основным источником для данного исследования стал личный архивный фонд И. А. Лопатина в Обществе изучения Амурского края (ОИАК) во Владивостоке, изученный автором статьи в ходе экспедиции 2020 года. И особый интерес в этом архивном фонде представляли материалы экспедиции И. А. Лопатина 1913 г. — текстовый отчет и альбом этнографических фотографий.

Альбом состоит из 12 листов, на которых расположены (наклеены) 80 фотокарточек. На его обложке надписано: «Приложение к отчету о поездке по рр. Уссури и Амуру И. А. Лопатина по поручению ОИАК летом 1913 г.» (ОИАК. Ф. 14. Оп. 5. Д. 16). Альбом состоит из 80 фотографий: 45 фото посвящены гольдам, 25 — орочам, 10 — русским поселенцам; и разделен на две соразмерные части пустым листом. При этом порядок расположения материалов — специфичен: в текстовом отчете, по ходу следования экспедиции, — сначала идет

описание орочей, затем гольдов. А в альбоме — наоборот: сначала идет блок фотоматериалов по гольдам, а затем — по орочам. Несколько фотографий в альбоме имеют авторские подписи: «Гольды с реки Тунгуски» (ОИАК. Ф. 14. Оп. 5. Д. 16. Л. 1), «Гольдские дети. Скачалян на Амуре» (ОИАК. Ф. 14. Оп. 5. Д. 16. Л. 2), «Скелет фанзы» (ОИАК. Ф. 14. Оп. 5. Д. 16. Л. 9) и т. п.

Коль скоро фотоальбом являлся приложением к текстовому отчету, то эффективным исследовательским методом оказывается сопоставление этих параллельно созданных материалов. И основное внимание при этом будет уделено сюжетам, прямо или косвенно связанным с этнографическим фотографированием в экспедиции. Так, ниже в статье будут приведены выдержки из экспедиционных текстов И. А. Лопатина и характеристика соответствующих фотоизображений, включая тематические комментарии, — для формирования последующих аналитических выводов.

Альбом Лопатина как этнографический источник

Экспедиционный отряд в составе И. А. Лопатина и его жены Л. Г. Лопатиной отправился из Владивостока 1 июня 1913 г.: сначала железной дорогой до станции Иман, затем на лошадях до селения Картун, и наконец, лодкой — до орочского стойбища Вагумбэ — первой точки полевых исследований. «На стойбище Вагумбэ мы сделали значительную остановку, чтобы заняться работой. Здесь мы записали 11 орочских сказок, собрали образцы орнамента, шаманские вещи, костюмы, а также измерили 10 орочей, фотографировали жилища и обитателей» (Лопатин, 1913: 1) — зафиксировал в отчете И. А. Лопатин.

Началу исследовательских работ предшествовало знакомство со старшиной иманских орочей — Ньюаином, который узнав о научно-исследовательских целях приезда И. А. Лопатина, согласился выступить проводником экспедиции среди орочей. Ньюаин пользовался большим авторитетом в местном сообществе, и его расположение было существенным залогом успешного проведения исследовательских работ на стойбище. По воспоминаниям И. А. Лопатина, не знакомые с техникой фотографии, на фотографирование местные орочи соглашались значительно охотнее, чем на антропологические измерения: «Желающих сняться было много. Я хотел было снять группу орочей, установил и приготовился нажать «грушу», но они беспокойно задвигались и замахали руками. Оказывается, орочи хотели, чтобы их сняли непременно с их старшиной Ньюаином. Я ответил, что сниму его одного, но они все-таки настаивали на своем...» (Лопатин, 1913: 8).

«Фотографирование достопримечательностей стойбища» — это название одного из начальных параграфов в отчете И. А. Лопатина, описывающих пребывание экспедиции среди орочей, говорит само за себя. В частности, исследователь вспоминал: «Мы обходим все стойбище с фотографическим аппаратом. За нами ходит толпа любопытных. Работники-китайцы бросают свои работы и идут смотреть невиданный инструмент. Сняли фанзу, амбар, походим к кумирне» (Лопатин, 1913: 16). Ситуацией, поразившей И. А. Лопатина в местности Вагумбэ было значительное окитаивание орочей — проникновение китайской культуры не только в материальный, но и духовный мир орочей. На соответствующих фотографиях были запечатлены жилища орочей (ОИАК. Ф. 14. Оп. 5. Д. 16. Лл. 62, 63), а также китайские кумирни (ОИАК. Ф. 14. Оп. 5. Д. 16. Лл. 64, 65).

Конечно же, были описаны и картины традиционной культуры орочей. Например, распространенной чертой, встреченной и зафиксированной им в хозяйстве местного населения, было содержание в стойбище различных видов животных и птиц. «Орочи любят воспитывать и кормить своих диких пленников, относятся к ним заботливо и ласково. Когда соберешь группу для фотографирования и приготовишься щелкнуть затвором, как кто-нибудь из группы закричит и метнется в сторону, как будто кто-нибудь ударил его. Скоро дело выясняется и оказывается, что ороч вспомнил про филина или зайчика, которые живут у него около

палатки, и что он желает сняться непременно с ним» (Лопатин, 1913: 7) — вспоминал по этому поводу И. А. Лопатин. А съемка шаманской тематики была инициирована исследователем при помощи Ньюаина (ОИАК. Ф. 14. Оп. 5. Д. 16. Лл. 66, 67): «Я упросил шаманку одеться в полный шаманский наряд и стать перед фотографическим аппаратом. Все стойбище собралось, когда я снимал шаманку. Нужно было употребить не мало труда, чтобы раздвинуть толпу; все лезли перед аппарат» (Лопатин, 1913: 13).

Обращают на себя внимание неоднократные упоминания в экспедиционном отчете о том, что местные орочи сами предлагали сюжеты для этнографического описания и фотосъемки. Это приоткрывает особое исследовательское измерение, позволяющее приблизиться к пониманию того, какие вещи или явления сами орочи считают особо интересными и важными «изнутри» их культуры. По записям И. А. Лопатина, один из характерных примеров такого взаимодействия исследователя и исследуемого касался описания натурального объекта: «Тзэи-Тузули сообщил мне, что не худо было бы снять интересное дерево, что растет недалеко от стойбища. Он стал рассказывать мне об особенностях замечательного дерева. Из его рассказа выходило, что дерево имеет два ствола, которые вверху срастаются в один» (Лопатин, 1913: 17). В альбоме-приложении находится и соответствующая фотокартина: то самое диковинное дерево, а также обстановка, свидетельствующая о почитании его орочами — собрание камней и пищевых подношений вокруг дерева (ОИАК. Ф. 14. Оп. 5. Д. 16. Л. 56).

В другом примере И. А. Лопатин описывает съемку жилища и хозяйственных построек по просьбе Ньюаина, а также закадровый контекст случившегося эпизода: «После съемки фанзы, я прошу Ньюаина собрать всю его семью, чтобы можно было их всех снять перед фанзою. Сейчас же начались хлопоты. Жена и невестка побежали в амбары доставать наряды. Ньюаин надел большой медный круг, на котором было написано его звание (старшина иманских орочей). Наконец, все готово. Но выходит из фанзы жена Ньюаина и происходит «инцидент». Женщины сначала взволновано заговорили, потом заплакали и обе убежали» (Лопатин, 1913: 17). Как впоследствии выяснилось, причиной инцидента было то, что во время фотографирования рядом с Ньюаином села его невестка, что вызвало обиду у жены.

Фото 1. Семья орочей. ОИАК. Ф. 14. Оп. 5. Д. 16. Л. 73.

По замечанию И. А. Лопатина, у орочей ему удалось застать остатки полиадрии: «По смерти брата следующий брат может взять вдову себе в жены. Так именно поступил Ньюин. От него у невестки родился мальчик. Мнение всего стойбища было на стороне Ньюина, но жена его была очень недовольна поведением мужа и, как видно, между мужем и женою и между женою и невесткою были частые ссоры» (Лопатин, 1913: 17). Как видно, подобные ситуации, в которых исследователь с фотоаппаратом выступал как своеобразный «раздражитель», позволяли выявить характерные культурные нюансы, которые могли бы остаться незамеченными невооруженным глазом, и потому оказались бы незафиксированными.

При специфической сложности обращения с фотографической аппаратурой изучаемого периода — громоздкой камерой, тяжеловесным штативом и стеклянными пластинами — И. А. Лопатин всегда держал технику наготове, и при встрече интересного материала, находил возможность его снять. Это касалось не только стационарных исследований в стойбищах, но и периодических экспедиционных выездов (ОИАК. Ф. 14. Оп. 5. Д. 16. Лл. 54, 57, 59). В частности, в отчете встречается описание следующей картины, встреченной И. А. Лопатиным на пути от стойбища орочей Вагумбэ к гольдам реки Тунгуски: «Бат ждет нас у протоки. Садимся, и птицей летим по течению реки. Через полчаса останавливаемся у мельницы. Здесь остановились орочи — сплавщики леса. Привал сплавщиков кажется нам типичным. Фотографируем» (Лопатин, 1913: 18). В данном случае, обращает на себя внимание характерный термин, употребленный И. А. Лопатиным — «типичное» — указание на то, на какие действия и явления, прежде всего, обращалось внимание ученого при фотографировании в поле. В связи с дефицитом рефлексивных сведений относительно выбора методов и объектов фотосъемки в этнографических экспедициях эти формулировки И. А. Лопатина оказываются особенно интересными для данного исследования. Так, на стойбище орочей, помимо вышеперечисленных сюжетов, были зафиксированы типичные жилища и хозяйственный постройки (ОИАК. Ф. 14. Оп. 5. Д. 16. Лл. 60, 74, 76), а также физические типы самих жителей (ОИАК. Ф. 14. Оп. 5. Д. 16. Лл. 58, 61, 65, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 75, 77).

Не случайно, и по приезде на стойбище гольдов, И. А. Лопатин не сразу приступил к фотографированию, предпослав съемке специальный подготовительный период. Это можно объяснить обстоятельствами времени — расходные фотоматериалы были дороги и дефицитны, а их количество в экспедиции ограничено, что неизбежно имело дисциплинирующее воздействие на исследователя с фотоаппаратом. Как следует из отчета И. А. Лопатина, работа организовывалась по следующему порядку: сначала необходимо было выбрать на месте типичные для местной культурной среды объекты, и лишь затем приступать непосредственно к съемке.

В отличие от орочей, многие из гольдов Тунгуски были в той или иной степени знакомы с явлением фотографии — об этом свидетельствует в частности, подмеченное И. А. Лопатиным использование фотокарточек как типичных элементов декора в интерьерах их жилищ: «Все стены фанзы были оклеены различными дешевыми картинами китайского и русского происхождения. На картинах, как и в фанзах орочей были изображены русский Император, охота на льва, конек-горбунок и т.п. Были точно также и фотографии» (Лопатин, 1913: 19).

Как и во время работы среди орочей, И. А. Лопатин встречал инициативы по реконструкции отдельных сюжетов для съемки, исходящие от самих гольдов. По воспоминаниям исследователя, такие примеры часто были типичными для местной общности, а потому напрямую совпадающими с его съемочными планами: «Егор Одзян подошел к нам и стал просить снять его едущим на собаках. Собаки были в полной упряжи. Егор орал на них, как следовало при езде, собаки выли, лаяли, но подчинялись и тащили нарты» (Лопатин, 1913: 21).

Случаи фото-импровизации, конечно, тоже имели неизбежное место в экспедиции И. А. Лопатина. Об одном из таких моментов повествует глава его отчета под названием «Приезд знаменитой шаманки». Исследователь живо описывал свои впечатления о массовой

уважительной встрече, какую устроили селяне шаманствующей гостье, и о ритуальном действе, проведенном ей на стойбище: «Как только шаманка вошла в фанзу, ей подали бубен с колотушкой. Она ударила несколько раз в бубен и стала плясать, делая круг между нарами, под мерные удары бубна, она припрыгивала, отчего все побрякушки пояса гремели... и шептала: «Пусть все в этой фанзе будут здоровы» (Лопатин, 1913: 22). Приходится сожалеть, что в распоряжении И. А. Лопатина не было кинокамеры для фиксации столь динамичного действия, но фотографический аппарат был как всегда наготове. «Почти все гольды просили меня снять шаманку и я ждал лишь удобного момента. Этот момент наступил, когда шаманка вышла из фанзы. Сопровождающие задержали шаманку и я снял ее сзади и спереди» — вспоминал о своей удаче исследователь. В альбоме И. А. Лопатина эти фото действительно является одним из самых этнографически-колоритных, и потому заслуживающих более подробного внимания. На первой фотографии (передний план): прямо в объектив смотрит седая слепая старуха; поверх обыкновенного женского платья у нее надета кофта из грубого холста с короткими широкими рукавами; кофта обильно изрисована тушью: на груди — зооморфные фигуры, а на полах и на спине — змеи (ОИАК. Ф. 14. Оп. 5. Д. 16. Л. 25). На второй (вид сзади): изображение на кофте волнистой полосой разделяется на две части — верхнюю и нижнюю; на нижней, кроме змеи, были нарисованы еще фигурки в виде крестов; края рукавов и подол кофты покрыты бахромой; на голове шаманки надет чепец с изображениями все тех же змей; а на макушке чепца пришита вырезанная из жести птица; сверху чепца на голове шаманки надет венок из древесных стружек, которые спадает на спину в виде длинного хвоста (ОИАК. Ф. 14. Оп. 5. Д. 16. Л. 26).

Составив подробное текстовое и фотографическое описание физических типов гольдов (ОИАК. Ф. 14. Оп. 5. Д. 16. Лл. 1–6, 15, 20, 27–29, 33–35, 44–45), типичных жилищ и хозяйственных построек (ОИАК. Ф. 14. Оп. 5. Д. 16. Лл. 7–14, 16–19, 23, 36, 41) и традиционных промыслов гольдов, связанных с выловом и обработкой рыбы (ОИАК. Ф. 14. Оп. 5. Д. 16. Лл. 21, 30–32, 38–39, 43), отряд И. А. Лопатина направился с Тунгуски вниз по Амуру, заезжая во все попутные селения.

Одна из наиболее длительных остановок на этом пути экспедиции случилась в гольдском стойбище Скачеалян. Селение было на тот момент сравнительно крупным — в нем насчитывалось двадцать две жилых фанзы. «Мы ни разу не видели такого большого стойбища. Разбросанные одна от другой далеко, эти фанзы не осилили леса, не изменили дикой природы, сушила с юколой и крошечные амбарчики на высоких столбах несколько не говорят о близости городов, напротив, они напоминают о давно исчезнувших первобытных временах» (Лопатин, 1913: 31) — записал исследователь. Особенностью места можно назвать и тот факт, что жители Скачеаляна в большинстве своем с суеверием относились к технике фотографии. В лопатинском отчете находится характерный пример из воспоминаний об этом: «Идем осматривать стойбище и фотографировать. Фотографирование многие считают опасным. «Будет ли

Фото 2. Шаманка
(ОИАК. Ф. 14. Оп. 5. Д. 16. Л. 25).

ловиться рыба после этого?», «Не возьмешь ли ты нас в солдаты»? — старается спросить меня один гольд» (Лопатин, 1913: 31). Эти условности, однако, не помешали полноценной реализации исследовательских планов И. А. Лопатина, результаты чего зафиксированы в его текстово-визуальных сборах.

На заключительном этапе экспедиции, все больше деталей, встреченных И. А. Лопатиным в местной среде, говорило о приближенности этих амурских территорий к городской «черте»: поселения становились все чаще, да различных «заведений» в них все больше. Пример встречи такого ростка «прогресса» находится в конце текстового отчета: «К великому нашему удовольствию мы в первый раз увидели школу в гольдском стойбище (Торгон). Школа имеет довольно приличное деревянное здание и снабжена некоторыми пособиями» (Лопатин, 1913: 31). Имеется и соответствующее изобразительное приложение в фотоальбоме ОИАК. Ф. 14. Оп. 5. Д. 16. Л. 40). 26 августа 1913 г., водным путем из Торгона, группа И. А. Лопатина возвратилась в Хабаровск — этим и завершилось его экспедиционное «Лето среди орочей и гольдов».

Фото 3. Семья гольдов. ОИАК. Ф. 14. Оп. 5. Д. 16. Л. 1.

Выводы

Вышеприведенные сопоставления наглядно демонстрируют аккуратные систематические параллели между текстовыми и фотографическими материалами И. А. Лопатина, что свидетельствует о сознательном применении им фототехники для иллюстрирования своих исследовательских текстов. Из 80 снимков этнографического альбома, наибольшее число — порядка 30 — посвящено хозяйству гольдов и орочей: устройство стойбищ, интерьеры жилых построек, промыслы. Около 20 кадров — индивидуальные и коллективные портреты, характеризующие их физические типы. Особенности религиозно-обрядовой культуры отражены на 10 картинах: шаманствующие персоны в ритуальных костюмах, шаманская атрибутика, святилища, молельни. На остальных фото — природные панорамы, в которые вписаны поселения, а также репортажные кадры, описывающие маршрут следования самой экспедиции. Известно, что по

результатом поездки, И. А. Лопатин передал в Общество изучения Амурского края также «63 предмета уссурийских гольдов и 11 предметов быта орочей иманского района — сборы поступили на увеличение этнографических коллекций музея» (Отчет Общества изучения Амурского края за 1913 год, 1915: 16). Помимо прочего, фотографирование позволило И. А. Лопатину наглядно запечатлеть для ознакомления исследовательского сообщества те этнографические образы, которые он не мог привезти из экспедиции в их физическом виде.

Научная деятельность И. А. Лопатина разворачивалась в условиях, когда в российской академической среде было сильно эволюционистское направление. О «первобытных пережитках» и «вымирании» народностей Дальнего Востока писали и в столичных научных кругах (Штернберг, 1908), и в ближайшем исследовательски-дружеском окружении И. А. Лопатина (Арсеньев, 1914). Такой теоретический настрой в сочетании с задачами приложения научных исследований к процессам колонизации региона, вызывали двойственное отношение И. А. Лопатина к вопросам культурной эволюции, что прослеживается и на его фотографических описаниях народностей края. С одной стороны, он поэтизировал гармонию сосуществования природы и местных этнических сообществ, идеализировал уходящую в прошлое традиционную культуру. «Прощай, бедный несчастный народец! Скоро еще постараюсь увидеть тебя. Приду на твое стойбище, заберусь в заповедную глушь твоих лесов и потом расскажу о твоей несчастной доле более счастливым и богатым твоим братьям» — такие эмоциональные впечатления исследователя проникали даже в экспедиционные отчеты (Лопатин, 1915: 16). С другой, осознавая неизбежность проникновения явлений условного «прогресса» в дебри Амурского края, он предвидел будущее локальных народностей не в вымирании, а в ассимиляции: «Печальный факт вымирания гольдов будет удален заботами русских культурных организаций и мероприятиями государственной власти; гольды будут постепенно присоединяться к русской культуре, будет происходить здоровая естественная ассимиляция; и через несколько поколений гольдская кровь растворится в океане русской крови, придав характеру амурских колонистов колорит физической и духовной натуры гольдской национальности» (Лопатин, 1922: 349).

Замысел И. А. Лопатина по созданию этнографического фотоальбома в форме приложения к научному отчету, определил особенности его содержания и методов съемки. Не случайно, в его снимках отсутствует искусственная художественность, а основной упор сделан на этнографичность. Очевидно, что автор скрупулезно фокусировался на фотопередаче типичных для изучаемого сообщества явлений материальной и духовной культуры, поведенческих и физических характеристик. Таким образом, методика работы И. А. Лопатина в области фотографии может быть названа *визуальной этнографией*. И в этом плане его фототворчество вполне вписывается в существовавшую традицию: так снимали, в частности, и другие профессиональные исследователи на Дальнем Востоке — В. К. Арсеньев и Б. И. Дыбовский, П. Т. Новограбленов и Б. О. Пилсудский.

После 1913 г. И. А. Лопатин продолжил свои экспедиционные и теоретические исследования культуры приамурских народностей, сосредоточившись на этнографии гольдов (нанайцев). Он регулярно фотографировал в экспедициях, и очевидно готовил к изданию свой фотофонд в качестве иллюстративного сопровождения к исследовательским текстам, о чем свидетельствуют авторские подписи к архивным фото. Однако из собранного массива фотоматериалов ему удалось опубликовать лишь малую часть, чему стали причиной развернувшиеся революционные события в стране. Сначала начались неизбежные коррективы в деятельности И. А. Лопатина — научно-исследовательская работа уступила место административно-педагогической: в годы гражданской войны он директорствовал в учительских семинариях сначала в г. Николаевске-на-Амуре, затем в г. Хабаровске, в 1918 году — возглавлял Хабаровский краеведческий музей, а с 1920 г. — преподавал в звании приват-доцента в Государственном дальневосточном университете во Владивостоке. В 1922 году И. А. Лопатин нашел возможность частично обобщить результаты своих десятилетних исследований и вы-

пустить в свет первую на тот момент монографию о гольдах, сопровождавшуюся эффектными визуальными материалами исследователя, и вдохновившую впоследствии опыты по визуализации гольдской (нанайской) культуры в кинематографе (Головнев, 2020). А в 1924 г., не приняв большевистскую революцию, И. А. Лопатин вынужденно эмигрировал — сначала выехал в г. Харбин, где работал в Обществе изучения Манчжурского края, затем — переехал в Канаду, где в 1929 г. защитил магистерскую диссертацию, а позднее — в США, где преподавал в университетах Вашингтона и Южной Калифорнии, и в 1935 г. защитил докторскую диссертацию. На протяжении научной деятельности за границей И. А. Лопатин не раз возвращался к вопросам этнографии народностей Приамурья, но исходные материалы его же дальневосточных экспедиций, включая уникальные фотографии, хранящиеся в советских архивах, к тому времени уже были для него недоступны.

С момента появления и начала распространения визуальных (кино— и фото-) технологий, о перспективности их использования в этнографических исследованиях теоретически высказывались многие ученые (Харузина, 1914; Яковлев, 1930), однако применение этих техник на практике случалось значительно реже. Тем значимее для науки оказываются созданные и дошедшие до нашего времени визуальные архивы первопроходцев, в которых запечатлены материалы экспедиционного изучения традиционных этнических сообществ — образы их культурной эволюции в начале XX в. Архив И. А. Лопатина, содержащий одни из первых фотодокументов по этнографии гольдов и орочей, оживляет перед современными исследователями многомерные этнографические картины, навсегда канувшие в историю. Но не только ретроспективную ценность имеет рассмотренная в статье методика визуальной этнографии, апробированная И. А. Лопатиным. Она убедительно демонстрирует, что фотографические образы в сопоставлении с исследовательскими текстовыми описаниями, дают многомерную культурную картину, и потому составляют информативный исторический/этнографический источник. Помимо прочего, визуальные материалы несут в себе невыразимую словесно информацию — запечатленный в фотокадре образно-эмоциональный контекст этнографических событий и явлений. И в этой проекции, исторический опыт И. А. Лопатина оказывается вполне актуальным методическим примером для сегодняшних визуально антропологических практик.

Список литературы

- Арсеньев В. К.** Вымирание инородцев Амурского края. Хабаровск: Типография канцелярии Приамурского Генерал-губернатора. 1914. 18 с.
- Головнев А. В.** Крупный план в антропологии // Уральский исторический вестник, 2010. № 4 (29). С. 14–20.
- Головнева Е. В., Головнев И. А.** Фотофиксация Дальнего Востока в деятельности Владимира Арсеньева: «репертуар» образов // Quaestio Rossica, 2020. № 3. С. 1023–1036.
- Головнев И. А.** Визуализация этничности в советском кино: «Страна гольдов» Амо Бек-Назарова (1930) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, 2020. № 1. С. 114–125.
- Лопатин И. А.** Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования. Владивосток: Типография Управления внутренних дел. 1922. 370 с.
- Лопатин И. А.** Гольды: Этнографический очерк // Записки Приамурского отдела Императорского общества востоковедения. Хабаровск: Типография канцелярии Приамурского Генерал-губернатора. 1916. Вып. III. С. 9–108.
- Лопатин И. А.** Лето среди орочей и гольдов. Владивосток: Типография «Далекая окраина». 1913. 33 с.
- Отчет Общества изучения Амурского края за 1913 год.** Владивосток: Типография А. К. Иогансон. 1915. 43 с.
- Сем Ю. А.** Нанайцы: материальная культура (вторая половина XIX — середина XX в.). Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. 1973. 314 с.
- Смоляк А. В.** Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. М.: Наука. 1984. 246 с.
- Станулевич Н. А.** Материалы Тувинского отряда Саяно-Алтайской экспедиции 1952 и 1953 гг. на негативах из собрания Кунсткамеры // Новые исследования Тувы, 2020. № 3. С. 240–252.
- Тарасова А. И.** Владимир Клавдиевич Арсеньев. М.: Наука. 1985. 344 с.
- Харузина В. Н.** Этнография. Вып. 2. М.: Императорский археологический институт. 1914. 219 с.

- Штернберг Л. Я.** Материалы по изучению гилияцкого языка и фольклора. Т. 1. Образцы народной словесности. Ч. 1. Эпос. СПб.: Типография Императорской Академии Наук. 1908. 252 с.
- Шульгина Т. С.** Русские исследователи культуры и быта малых народов Амура и Сахалина (конец XIX–начало XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета. 1989. 179 с.
- Яковлев Н. Ф.** Кино и этнография / Терской А. Н. Этнографическая фильма. М.: Театропечать. 1930. С. 3–16.
- Sharapov V. E.** Construction of the Ethnographic Visual Image of Komi-Zyrians in the «Artistic Ethnology» of the late 19th — 20th Centures // Slovenský národopis, 2020. № 68 (3). С. 230–249.

Список источников

Общество изучения Амурского Края. Ф. 14. Оп. 5. Д. 16. 80 л. Авторский альбом фотографий — приложение к отчету экспедиции Лопатина И. А., организованной ОИАК летом 1913 года к Уссурийским гольдам по маршруту: окрестности Верхне-Михайловского, вниз по реке Уссури, реке Тунгузке.

Головнев Иван Андреевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Университетская наб., д. 3, г. Санкт-Петербург, 199034.

E-mail: golovnev.ivan@gmail.com

Материал поступил в редакцию 30 октября 2020 г.

I. A. Golovnev

VISUAL ETHNOGRAPHY OF IVAN LOPATIN (ON THE MATERIALS OF THE AMUR EXPEDITION OF 1913)

The article is devoted to a topical but poorly developed topic in the Russian humanities – visual anthropology as a form of scientific knowledge, a means of fixing and representing materials. It is well known, that the decisive role in the development of the frontier regions of the country during the imperial period was played by professional researchers and travelers, who actively used photographic technology in their activities. Numerous photographic documents collected by them during scientific expeditions are scattered among the funds of central and regional museum and archival institutions. This study focuses on visual anthropological materials from the expedition of the famous ethnographer Ivan Alekseevich Lopatin in 1913, stored in the archives of the Society for the Study of the Amur Region, and studied by the author of the article during research work in the summer of 2020. Many of the photographic documents under consideration, being unique evidence of the cultural evolution of the peoples of the Amur region at the turn of the 19th–20th centuries, are introduced into scientific circulation for the first time. By comparing the textual and visual archives of the researcher, the key ethnographic images recorded by him among the Orochs and Golds (Nanai) peoples are distinguished and analyzed: phenomena of material and spiritual culture, fishing processes and physical types. The methodological discoveries of Ivan Lopatin in the field of the ethnographer's field work are also specially considered: parallel written and photographic recording of materials in the process of expeditionary research for the subsequent use of photographic documents as illustrations to the main provisions of scientific publications. The photographic work of Ivan Lopatin is analyzed in a historical and anthropological vein, in comparison with thematically related studies of other authors and academic paradigms of the corresponding period. The conclusion is made about the scientist's archival photographic heritage as an informative historical and ethnographic source, visually reflecting not only the culture of the photograph, but also the one who is filming; transmitting not only ethnographic information, but also its figurative and emotional context. The historical experience of Ivan Lopatin is shown as a completely relevant methodological example for today's visual anthropological practices.

Key words: *ethnographic photography, visual anthropology, Golds, Orochi, Ivan Lopatin.*

References

- Arsen'yev V. K.** Vymiraniye inorodtsev Amurskogo kraya [Extinction of natives of the Amur region]. Khabarovsk, Printing house of the Office of the Amur Governor-General Publ., 1914. 18 p. (In Russian).
- Golovnev A. V.** Krupnyy plan v antropologii [Close-up in anthropology] // Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural Historical Bulletin]. 2010. № 4 (29). P. 14–20. (In Russian).
- Golovneva E. V., Golovnev I. A.** Fotofiksatsiya Dal'nego Vostoka v deyatelnosti Vladimira Arsen'yeva: «repertuar» obrazov [Photo-fixation of the Far East in the activities of Vladimir Arseniev: «repertoire» of images] // Quaestio Rossica. 2020. № 3. P. 1023–1036. (In Russian).
- Golovnev I. A.** Vizualizatsiya etnichnosti v sovetskom kino: «Strana gol'dov» Amo Bek-Nazarova (1930) [Visualization of ethnicity in Soviet cinema: «The Land of Golds» by Amo Bek-Nazarov (1930)] // Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Studies]. 2020. № 1. P. 114–125. (In Russian).
- Lopat' I. A.** Gol'dy amurskiye, ussuriyskiye i sungariyskiye Golds Amur, Ussuri and Sungari. Opyty etnograficheskogo issledovaniya [Amur, Ussuri and Sungarian Golds. Ethnographic research experience]. Vladivostok, Printing house of the Department of the Interior Publ., 1922. 370 p. (In Russian).
- Lopat' I. A.** Gol'dy: Etnograficheskiy ocherk [Golds: Ethnographic essay] // Zapiski Priamurskogo otdela Imperatorskogo obshchestva vostokovedeniya [Notes of the Amur Department of the Imperial Society of Oriental Studies]. Khabarovsk, Printing house of the Office of the Amur Governor-General Publ., 1916. Iss. 3. P. 9–108. (In Russian).
- Lopat' I. A.** Leto sredi orochey i gol'dov [Summer among the Orochs and Golds]. Vladivostok, Printing house «Far suburb» Publ., 1913. 33 p. (In Russian).
- Otchet Obshchestva izucheniya Amurskogo kraya za 1913 god** [Report of the Society for the Study of the Amur Region for 1913]. Vladivostok, Printing house of A. K. Loganson Publ., 1915. 43 p. (In Russian).
- Sem Yu. A.** Nanaytsy: material'naya kul'tura (vtoraya polovina XIX — seredina XX v.) [Nanai people: material culture (second half of the 19th–middle of the 20th century)]. Vladivostok, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East Publ., 1973. 314 p. (In Russian).
- Smolyak A. V.** Traditsionnoye khozyaystvo i material'naya kul'tura narodov Nizhnego Amura i Sakhalina [Traditional economy and material culture of the peoples of the Lower Amur and Sakhalin]. Moscow, Science Publ., 1984. 246 p.
- Stanulevich N. A.** Materialy Tuvinskogo otryada Sayano-Altayskoy ekspeditsii 1952 i 1953 gg. na negativakh iz sobraniya Kunstkamery [Materials of the Tuva detachment of the Sayano-Altaï expedition in 1952 and 1953. on negatives from the collection of the Kunstkamera] // Novye issledovaniya Tuvy [New studies of Tuva]. 2020. № 3. P. 240–252.
- Tarasova A. I.** Vladimir Klavdievich Arseniev. Moscow, Science Publ., 1985. 344 p. (In Russian).
- Kharuzina V. N.** Etnografiya [Ethnography]. Iss. 2. Moscow, Imperial Archaeological Institute Publ., 1914. 219 p. (In Russian).
- Sharapov V. E.** Construction of the Ethnographic Visual Image of Komi—Zyrians in the «Artistic Ethnology» of the late 19th–20th Centuries // Slovenský národopis. 2020. № 68 (3). P. 230–249.
- Shulgina T. S.** Russkiye issledovateli kul'tury i byta malykh narodov Amura i Sakhalina (konets XIX–nachalo XX v.) [Russian Researchers of the Culture and Life of the Small Peoples of the Amur and Sakhalin (late 19th–early 20th centuries)]. Vladivostok, Publishing house of the Far Eastern University, 1989. 179 p. (In Russian).
- Sternberg L. Ya.** Materialy po izucheniyu gilyatskogo yazyka i fol'klora. T. 1. Obratzы narodnoy slovesnosti. Part. 1. Epos [Materials for the study of the Gilyak language and folklore. T. 1. Samples of folk literature. Part 1. Epic]. St. Petersburg, Printing house of the Imperial Academy of Sciences Publ., 1908. 252 p. (In Russian).
- Yakovlev N. F.** Kino i etnografiya [Cinema and Ethnography] / Terskoy A. N. Etnograficheskaya fil'ma [Ethnographic film]. Moscow: Teakinopechat' Publ., 1930. P. 3–16. (In Russian).

List of Sources

Obshchestvo izucheniya Amurskogo kraya (OIAK) [Society for the Study of the Amur Region]. F. 14. Op. 2. № 16. 80 p.

Golovnev Ivan Andreevich, candidat of historical science, senior research fellow.

RAS, Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstkamera).

3 Universitetskaya emb., St. Petersburg, Russia, 199034.

E-mail: golovnev.ivan@gmail.com